

«Дорогой мой супруг, когда пишу тебе письмо, словно видимся вновь.

Сегодня я прибыл на перевал Фэньюй, встретился с доктором, и жилье уже устроено.

Как ты и предполагал, здесь суровый и пронизывающий холод. Дома, должно быть, все уже носят легкую одежду, а я все еще в ватнике, который ты для меня постирал и высушил.

Путь был гладким. Я проехал через уезды Мулин, Цисянь и Чуньюй... Все дальше на северо-запад. Как оказалось, земли Мулина огромны, деревни и поселки вокруг тянутся на десятки ли.

Сезон не тот, чтобы услышать кваканье лягушек в Цисяне, но, отдыхая у реки, я видел головастиков с большими головами, все черные и крепкие, с гибким хвостом. Большинство из них резвились среди прибрежной травы. Летом они наверняка превратятся в лягушек и соберутся на свои ночные «вечеринки».

В Чуньюе я купил кувшин местного вина. Глоток в холодную ночь согревает тело. Здесь также популярны тушеные свиные ножки, но я их пока не пробовал.

Помнишь, когда впервые читали вместе «Записи о горах и реках», ты говорил, что хотел бы посетить описанные места? Чуньюй отсюда недалеко. Если выпадет случай, мы могли бы приехать сюда вместе, попробовать те самые «чуньюйские тушеные ножки».

□□.....

В письме Цю Хэняня описывалась каждая мелочь его путешествия: что он видел, что переживал. Чистое повествование словно уносило Цин Яня в этот путь под дождем и ветром.

В конце письма Цю Хэнянь упомянул, что вложил в конверт первый осенний лист, который он нашел на дороге, уже за перевалом.

«Пусть эта вещица заменит меня дома».

Цин Янь смахнул слезу с уголка глаза, перевернул конверт, немного потряс его, и из него выпал сухой, пожелтевший лист березы. Пережив целую зиму, он остался почти нетронутым, лишь по краям виднелись легкие повреждения.

Цин Янь поднял лист и долго рассматривал его на солнце. В мыслях возникло: когда он нашел этот лист, возможно, тоже так любовно его разглядывал. Не сдержавшись, он прижал лист к щеке, снова и снова думая о человеке, который был так далеко.

Отвечая на письмо, Цин Янь подробно написал обо всем, что происходило дома: от мелочей до

бытовых историй. Даже о забавных моментах между А-Мяо и Эр Си рассказал одну-две истории. В конце письма он написал:

«Со мной все в порядке, не беспокойся. Прилагаю локон волос, пусть он заменит меня и будет рядом с тобой».

Он хотел добавить: «С нетерпением жду твоего возвращения», но, поколебавшись, решил не писать это. Он боялся, что его слова только усилят тоску и боль разлуки у того, кто так далеко.

В тот же день Цин Янь взял повозку семьи Лю и отправился в уездный почтовый пункт, чтобы отправить письмо. Жена Лю Фа как раз собиралась ехать на их воловьей повозке в уезд купить арбуз, и они с Цин Янем отправились вместе.

По дороге жена Лю Фа периодически задумчиво молчала и выглядела немного подавленной. Цин Янь, заметив это, спросил:

— Что-то случилось?

Жена Лю Фа ответила тихо:

— Давай лучше доедем до места, я потом расскажу.

Когда они добрались до города, повозку тут же отправили с приказчиком для доставки тофу. Только тогда жена Лю Фа отвела Цин Яня в укромный уголок и, понизив голос, призналась:

— У меня правый глаз все время дергается последние два дня, боюсь, не к добру это.

Цин Янь посмотрел на нее и, догадываясь, спросил:

— Это из-за ваших родственников?

Жена Лю Фа тяжело вздохнула и подтвердила:

— Это Лю Сян из семьи Лю Юфу. Он, похоже, связался с дальним родственником старосты деревни.

Цин Янь ахнул:

— Ты про Ян Хуая?

Жена Лю Фа кивнула:

— Именно.

Цин Янь насторожился:

— Если считать по сроку, ребенку в животе Лю Сяна уже пять месяцев, должно быть заметно.

Жена Лю Фа скривила лицо:

— Недавно мы с Лю Фа ездили в уезд за покупками, как раз зашли на съемное жилье, где он живет. У него почти не видно живота, в отличие от других беременных, а в одежде и вовсе не заметишь.

Она нахмурилась и продолжила:

— К тому же эта Чжан Цзюй придумала глупый способ: сейчас же жара, и в плотной одежде ходить невозможно, так она пошла в лавку и нарезала там грубых полосок ткани, чтобы перетянуть ему живот. Говорит, мол, так он не будет сильно расти.

— О, небеса! — Цин Янь содрогнулся от мысли о том, каково должно быть ребенку в таких условиях.

Жена Лю Фа продолжила:

— У Лю Сяна, скорее всего, роды будут в середине ноября. Но Чжан Цзюй уже подговорила врача дать ему лекарства, чтобы ребенок рос медленнее и рождение оттянулось до середины декабря. Тогда они просто скажут тому молодому господину Яну, что ребенок родился на два месяца раньше срока.

Говоря это, она сжала корзину в руках, и ее лицо омрачила глубокая тревога:

— Ян Хуай выглядит умным человеком, а его родители, говорят, тоже с норовом. Если Чжан Цзюй и Лю Сян провернут это, и все откроется, я боюсь, пострадают не только они. Это может задеть и нас.

Цин Янь спросил:

— А Лю Фа знает об этом?

Жена Лю Фа кивнула:

— Лю Фа мне говорил. Он решил дать их семье еще денег, чтобы они вернулись в родное село. Я хоть и жалею средства, но тоже хочу, чтобы их поскорее убрать подальше. Только Чжан Цзюй, похоже, твердо решила добиться своего, она даже слушать не хочет никаких советов. Видимо, наши ничтожные деньги ей уже неинтересны, она возжелала богатства этой семьи.

Ян Хуай был человеком, способным на поступки чудовищной жестокости. Именно он, подстрекая оригинального хозяина тела, довел Цю Хэняня до тюрьмы и казни. Внешне казалось, что это всего лишь испорченный повеса, но за этой маской скрывалась зловещая хитрость и коварство. Никакие Лю Сян и Чжан Цзюй не могли ему противостоять. Если ребенок у Лю Сяна все же появится на свет, то в день его рождения эта семья может попасть в страшные неприятности.

Скорее всего, семья Лю Фа сильно не пострадает, но сам случай столь мерзок и отвратителен, что слухи о нем обязательно расползутся, и репутация их точно окажется подмоченной.

Цин Янь не мог придумать, как помочь, и лишь попытался найти слова для утешения.

Однако через пару дней его собственные проблемы пришли в дом.

Тот торговец, которого он раньше подкупал, пришел в деревню искать его. Он рассказал, что Юй Фэнтан сильно поссорился с той женщиной и ее сыном. На прошлой неделе он напился и забрался на крышу собственного дома, угрожая сжечь все дотла. Жена Юй Фэнтана, Чжоу Яньлян, спорила с ним во дворе, а их сын Юй Циньси полез на крышу, чтобы остановить его. Между ними началась драка, и в какой-то момент Юй Фэнтан свалился с крыши прямо во двор, сломав ногу.

— Юй Циньси нашел доктора, но из-за возраста Юй Фэнтана врач сказал, что он, вероятно, уже никогда не сможет встать с кровати, — добавил торговец.

Он продолжил:

— Сегодня утром я зашел к ним домой. Юй Фэнтан еще в сознании. Он попросил меня передать, чтобы вы обязательно пришли его навестить. Говорит, что у него есть вещь вашей матери, которую он так и не успел вам отдать.

Цин Янь поднял взгляд на торговца, и тот замолчал, а затем медленно добавил:

— Он говорит, что это последнее, что он может вам передать.

Слова торговца вызвали у Цин Яня смятение. Он никогда прежде не встречался с Юй Фэнтаном, но воспоминания прежнего хозяина тела оставляли глубокую тень — все они были сосредоточены на этом человеке, его отце. Теперь он был стар и тяжело ранен, возможно, ему осталось жить совсем немного. Может, стоит увидеться с ним, чтобы завершить старые счета?

Но мысли о раскаянии умирающего быстро рассеялись, и взгляд Цин Яня стал холодным. Даже сейчас Юй Фэнтан пытался манипулировать своим сыном, используя вину как оружие. Цин Янь тихо сказал:

— Передайте ему, что после его смерти я приду сжечь бумажные жертвы, чтобы исполнить сыновний долг.

...

Через два дня пришло второе письмо от Цю Хэняня.

Цин Янь подсчитал время — письмо было написано до того, как его ответ достиг адресата. Если он так спешил, значит, что-то случилось.

После того как Цю Хэнянь прибыл на перевал Фэньюй, Цин Янь немного успокоился: это было безопаснее, чем странствовать по дороге. Но его тревожили последствия лечения. Этот яд был сложным и опасным, требовалось поочередно пробовать лекарства, чтобы найти противоядие. Три дня, пока шли испытания, Цин Янь своими глазами видел, как сильно страдал Цю Хэнянь.

Если что-то пойдет не так, то издалека он ничего не сможет сделать.

Его руки слегка дрожали, когда он вскрывал конверт. Первые строки на бумаге поразили его: это были не привычные слова «Дорогой мой супруг, когда пишу тебе письмо, словно видимся вновь», а всего лишь четыре небрежно выведенных слова: «Я очень скучаю по тебе».

Глаза Цин Яня мгновенно покраснели. Он продолжил читать:

«Это место крайне пустынно, но небеса здесь безграничны. Часто на закате я сижу на стене крепости и смотрю на юг, в направлении гор Мулин. Иногда мне кажется, что я вижу их далекие вершины, но достаточно моргнуть — и все исчезает, словно мираж».

«Цин Янь, я пробыл здесь всего несколько дней, а уже хочу вернуться домой».

<http://bllate.org/book/13590/1205238>